

ВЕДОМОСТИ

«По ту сторону тени»

**Владимира Тарнопольского –
опера из фонетики и пространства**

*Боннский авангардный проект играют в Московском
музыкальном театре*

26.03.15 **Ведомости**

Петр Поспелов

В этой опере можно отбросить тень и уйти от нее

Студия новой музыки

Связной между европейской и российской авангардной музыкой, Владимир Тарнопольский чаще исполняется в Европе, особенно в Германии. Но вот благодаря Гете-институту его опера-мультимедиа по Платону, Плинию Старшему, Леонардо, Эхнатону и другим авторам, размышлявшим о природе света и тени, происхождении и расхождении искусств, первоначально поставленная в Бонне (2006), добралась сегодня до Москвы и играется три вечера подряд на Большой Дмитровке.

Здесь уже шла в 2012 г. подобная продукция итальянского коллеги Тарнопольского – опера Сальваторе Шаррино «Лживый свет моих очей». Тот проект, как и этот, – акция НОМТа (Нового музыкального театра), опирающегося на ансамбль «Студия новой музыки», тогда и сейчас дирижировал Игорь Дронов, тогда и сейчас одну из главных партий исполняла Екатерина Кичигина. Но есть и разница. До сих пор Кичигина была единственной оперной певицей, владеющей техниками авангардного вокала и способной справляться с партитурами, которые европейские, а за

ними и русские композиторы принялись писать во второй половине XX в. Три года назад к ней в компанию пришлось брать дирижеров-хоровиков, не обладающих оперными голосами. Теперь у Кичигиной появилось пятеро поделльников из числа солистов Театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, а именно Ольга Луцив-Терновская, Светлана Сумачева, Сергей Николаев, Дмитрий Кондратков и Михаил Головушкин. Композитор не написал им арий, но сгруппировал в ансамблях, где им необходимо было строить сложные аккорды, попадать в мелкие ритмические доли, тянуть согласные звуки – и делать все это, попутно исполняя пантомиму, которую предписал им режиссер-постановщик и хореограф Роберт Векслер. Со всем этим они справились, не теряя тембра, и это некий прорыв авангардного искусства сквозь обычную практику, которого широкий слушатель мог и не заметить.

Действительно, в спектакле в первую очередь обращает на себя внимание его мультимедийность. Она начинается с соотнесения текста и музыки: композитор пошел войной на «литературность», изгнал из либретто сюжет и даже смысл текста объявил не столь важным, как его фонетику. Многие приемы игры на инструментах рождаются из цокающих и рыкающих звучностей немецкого языка, так что исполнять оперу в переводе решительно невозможно – исключением явилась партия чтеца, которую по-русски декламирует маститый музыковед Михаил Сапонов, добавляющий в проект личную харизму. Другая особенность музыкального решения – игра звучаний в пространстве. Два камерных ансамбля по краям сцены обмениваются инициативой, так же как это делают два трио певцов: направление звука оказывается не менее выразительным, чем его строй или краска.

К изоощренной партитуре оказалось приложено простоватое режиссерское решение, состоящее из общих мест современного театра. Однако и в нем была мультимедийность: компьютерная программа художника Фридера Вайса, обходясь без заранее записанных изображений, отслеживала движения актеров и интерактивно преобразовывала их в движущиеся проекции. Впрочем, на первом представлении компьютер завис – и главным героем проекта все же осталась музыка.

<http://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2015/03/27/po-tu-storonu-teni-vladimira-tarnopolskogo-opera-iz-fonetiki-i-prostranstva>